

УДК 94: 323: 39 КРЫМ

**«НАЦМЕНЫ ЗАПАДА» В СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЫМСКОЙ АССР
(20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА)**

Кондратюк Г. Н.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Российская Федерация*

*Крымский Научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kondratjukkipu@gmail.com*

Рассмотрены вопросы национальной политики в Крымской АССР в межвоенный период. На примере эстонского населения полуострова изучены особенности национальной политики в отношении западных национальных меньшинств. В статье дана характеристика основных форм работы среди эстонцев, в которой, с одной стороны, отражалось настороженное отношение к ним, а с другой – попытки добиться симпатии эстонцев и предотвратить эмигрантские настроения. Политика коренизации в отношении эстонцев, наиболее активно проводившаяся в течение 1920-х годов, к середине 1930-х приняла формальный характер.

Ключевые слова: Крымская АССР, национальная политика, образование, коренизация, эстонцы.

Национальная политика межвоенного периода получила название политики коренизации. Она обладала региональной спецификой. В УССР получила название украинизации, а в Крымской АССР татаризации. Однако в Крыму проживали и другие национальные группы: немцы, греки, армяне и болгары, интересы и потребности которых советская власть не могла игнорировать. Таким народом были и эстонцы. О внимании к эстонцам свидетельствовал факт создания в рамках Крымского обкома партии специальной эстонской секции и работу эстонского инструктора. Внимание к эстонцам было обусловлено, в определённой степени, созданием независимого эстонского государства в Прибалтике. Поэтому в национальной политике советской страны можно видеть, с одной стороны, враждебно-настороженное отношение к ним, а с другой, попытку добиться симпатии эстонцев и предотвратить эмигрантские настроения.

С необходимостью решения национальных вопросов новая советская власть столкнулась буквально сразу же после её установления в Крыму в ноябре 1920 года. В апреле 1921 года была проведена предварительная перепись населения. Перепись зафиксировала, что на полуострове проживал 2371 эстонец, из них мужчин 1094, женщин 1277. В основном, эстонцы были жителями сельских колоний – 1613 человек, а горожан насчитывалось только 758. Наибольшее количество эстонцев проживало в Симферопольском уезде – 793 человека, Евпаторийском – 259 жителей и Джанкойском уезде – 882 колониста [20, с. 10–11]. Необходимо отметить, что

перепись зафиксировала очень высокий уровень грамотности эстонцев. Из 2371 эстонца грамотных – 1917, а неграмотных только 454 человека. При этом, из 1613 сельских жителей неграмотных всего 327 человек [20, с. 34–35]. По сравнению с представителями других народов, это был очень высокий показатель грамотного населения. Поэтому в состав Крымского областного комитета РКП(б) были привлечены работники, которые могли бы вести работу среди эстонцев, прежде всего благодаря знанию эстонского языка. Инструктором Крымского обкома РКП(б) по работе среди эстонского населения Крыма в 1921–1922 годах являлся Г. Вайно. В своём плане работы на 1922 год он поставил задачей обследовать состояние эстонских школ в колониях, оказать помощь в развёртывании курсов при симферопольской школе-коммуне «Койт» и работе эстонского клуба. Координация работы среди эстонцев осуществлялась центральным бюро эстонской секции при ЦК РКП(б) в Москве [3, л. 6]. Работа среди эстонцев координировалась не только в областном комитете, но и в Народном комиссариате просвещения. Внимание в работе было обращено на состояние школ и развитие образования. Схожую ситуацию можно было видеть и в УССР. В составе Наркомпроса УССР была создана эстонская секция и региональные отделы на местах. В руководящем документе «Положении о эстонской секции при Укрнаробразе и Наробразах УССР» были определены важнейшие ориентиры в работе. В частности, указывалось, что секции создаются «для просветительской работы среди рабочих и трудящихся масс эстонцев, для разработки и постановки перед партией и советскими организациями вопросов физического и духовного воспитания нового поколения пролетариата и перевоспитания взрослого элемента трудящихся, и остатков мелкой и крупной буржуазии в духе социализма, вовлечение широких масс к творческому пролетарскому искусству и культуре, а также для выполнения специальных задач органов народного общего и профессионального образования» [25, л. 2].

Важной формой работы среди эстонцев Крыма стали беспартийные конференции. На этих конференциях власть знакомила представителей крестьян со своими принципиальными установками, требованиями и в известной степени происходил диалог, ещё возможный в условиях новой экономической политики. 26–27 февраля 1922 года в Симферополе проходила II Всекрымская конференция беспартийных эстонцев. На конференцию прибыли 24 делегата от эстонских колоний, от трудовых артелей «Койт», «Борьба» и «Звезда коммунизма», а также Евпаторийского и Симферопольского эстонских клубов. На конференции обсуждались вопросы состояния сельского хозяйства в эстонских колониях, потребительской кооперации, школ. Но самым важным и злободневным вопросом было обсуждение мер по борьбе с голодом. Выступавшие делегаты обрисовали трагическое положение, сложившееся в эстонских сёлах: «Колония Джурчи. Делегат Палькман указывает на то, что в северном районе положение много раз хуже... из 500 лошадей осталось 55... в колонии 460 душ. Острую нужду терпят 100–120 душ. Колония «Китай». Делегат Радик говорит, что из прошлогоднего урожая колония не получила ни пуда хлеба ни корма для скота, теперь уже больше половины голодающих» [2, л. 4]. Многие эстонцы Крыма видели выход из

создавшейся сложнейшей ситуации в эмиграции в Эстонию. Этот факт отметил инструктор Крымского ОК РКП(б) по работе с эстонцами Г. Вайно. В своём отчёте, по итогам посещения эстонских колоний он пишет: «Здесь в колонии [Учкую-Тархан – Авт.] сильно развита тенденция обращения к белоэстонскому правительству за помощью для всех эстонских колоний... все заражены опациональной горячкой» [4, л. 7об.].

Для реализации политики коренизации, провозглашённой XII съездом РКП(б) была создана специальная система органов. После того как в апреле 1923 года состоялся XII съезд РКП(б), определивший основные направления политики коренизации, её реализация в Крыму обсуждалась на совещании ответственных работников. Совещание проходило в Симферополе 28 и 29 июня 1923 года с повесткой дня: «Национальная политика в Крыму». Одним из докладчиков был председатель СНК Крымской АССР Саид-Галиев. В резолюции по итогам работы совещания была поставлена задача коренизации сельских советов [5, л. 25]. В местах компактного проживания эстонцев были созданы 2 эстонских сельских совета. Общее количество сельских советов в Крымской АССР было увеличено со 143 до 418 [19, с. 93].

В начале 1920-х годов власти стремились довести до эстонцев основное содержание своей национальной политики с помощью периодической печати. Отчёт областного комитета фиксировал: «На эстонском языке издаётся газета на шапирографе и распространяется в деревне через деревенские просветительские кружки» [16, с. 18].

С целью создания эффективного механизма реализации национальной политики регулярно проводились Совещания национальных работников, членов РКП(б). На Совещании, проходившем 7 июля 1924 года, с основным докладом выступил секретарь обкома Носов. По итогам работы совещания было принято решение о том, что «если у кого из товарищей будут те или иные предложения по национальной политике, как в области принципиальной, так и в практической, должны вносить их на обсуждение президиума... а отнюдь не выносить в массу неразрешённых вопросов» [6, л. 122]. Это решение говорит о том, что эстонская община была отстранена от принимаемых решений непосредственно затрагивавших их интересы. Партийное руководство волновало недопущение открытой дискуссии. В качестве инструментов управления совещание предложило созывать периодические беспартийные конференции, совещания коммунистов «нацмен Запада». Эстонцы, вместе с немцами, чехами и поляками были отнесены именно к данной категории. Таким образом, административные рычаги управления национальной политикой были сконцентрированы, прежде всего, в обкоме партии. В отчёте Крымского областного комитета РКП(б) XI областной партийной конференции отмечалось, что «наши задачи в области советского строительства сводятся к следующему. Сблизиться с беспартийным крестьянским активом... вовлечь широкие крестьянские массы, поднять их активность. Нужно строго учитывать национальный момент и момент социальный, нужно сплотить бедноту» [18, с. 48–49].

При крымском обкоме ВКП(б) в 1925 году действовала Нацкомиссия, решавшая текущие вопросы реализации национальной политики. В 1925 году Председателем Нацкомиссии был избран секретарь обкома Петропавловский, а в президиум входили Мамут-Недим, Таксер и другие. Комиссия на своих заседаниях рассматривала разнообразные вопросы, в том числе развития народного образования среди эстонцев. Так, на первом заседании Нацкомиссии 13 октября 1925 года с докладом «Об итогах и перспективах работы НКП среди национальностей» выступил нарком просвещения Крымской АССР У. Балич [7, л. 11]. Осенью 1925 года в автономии была учреждена специальная должность Уполномоченного ВЦИК при ЦИК Крымской АССР по охране прав национальных меньшинств. План работы Уполномоченного У. Балича предполагал «установление тесной связи с нацменнаселением, выявление степени обслуживания соваппаратом нацменнаселения, особое усиление внимания на обслуживание по культпросветлинии... собирать и обрабатывать материалы об экономическом положении нацмен» [10, л. 80]. У. Балич в своём докладе «О работе Уполномоченного по охране нацмен» осенью 1925 года говорил, что «основными моментами в работе уполномоченного являются вопросы просвещения, здравоохранения и землеустройства, в соответствии с каковыми и разработан план работы уполномоченного» [8, л. 28]. В резолюции по докладу Уполномоченного по делам нацменьшинств фиксировалось, что необходимо «в целях придания всей работе характера живой активной связи с нацмен группами, необходимо эту работу в практической части связать с обследованием и изучением нацмен учреждений (сельсоветов, школ, комитетов взаимопомощи, обществ, организаций) проводя таковые в плановом порядке. В целях углубления работы обратить особое внимание на изучение вопроса о переводе на родной язык делопроизводства в нацмен Советах, подходя к нему с точки зрения практической целесообразности» [9, л. 30]. Вопрос перевода ведения документации на эстонский язык был затронут не случайно. Изменение статуса языка, расширение сферы его применения было одним из важных элементов национальной политики. Коммунистические идеи необходимо было доносить до крестьян на эстонском языке. О своём видении ситуации представители власти заявляли недвусмысленно: «Высокая культурность и поголовная грамотность некоторых нацменьшинств Запада (немцев, чехов, эстонцев) обратно пропорциональна их общественно-политической активности: их хвалёная культурность является основой общественно-политического консерватизма, бытовой косности, прочности клерикально-религиозных влияний... всего сложного комплекса «цивилизации», что крайне затрудняет их советизацию» [1, с. 188].

Партийные совещания и конференции проводились не только с коммунистами эстонцами, но и представителями других национальностей. В 1926 году было проведено I Всекрымское совещание нацмен партработников. С докладами о политическом состоянии нацмен выступили работники обкома Глоуберман и Баумгартен. Докладчики заострили внимание присутствовавших на важности работы среди всех национальностей Крыма, особо отметив работу среди немцев,

эстонцев, чехов и поляков и борьбе с «национальными группировками». Резолюция по итогам работы фиксировала, что «совещание обращает внимание всех партийных национальных работников на своевременное сообщение в областной комитет о всех проявлениях стремления каком бы то ни было виде получить организационное оформление» [11, л. 197].

Необходимо отметить, что во многих народных комиссариатах создавались специальные структурные подразделения, реализовывавшие мероприятия национальной политики. Так, в составе Народного комиссариата просвещения при Коллегии Наркомпроса работал Совет по просвещению национальных меньшинств (Совнацмен). Этот структурный орган функционировал на основе специально разработанного положения. Эти структурные подразделения взаимодействовали с Агитпропом и Нацменкомиссией областного комитета. Для эстонцев Крыма было характерно особое внимание к развитию национальных школ для детей колоний. Так, одна национальная школа приходилась на 347 эстонцев. Для сравнения, одна национальная школа приходилась на 4213 караимов [24, с. 75].

С тем, чтобы проводимые мероприятия национальной политики достигали своей цели, необходима была общественная поддержка. Важной формой работы стали совещания нацменьшинств и беспартийные конференции. 26 апреля 1930 года в Симферополе состоялось Всекрымское совещание национальных меньшинств. Комиссия по его созыву определила, что общее количество представителей должно было составить 150 человек от 12 национальностей. Этим определялась широта форума и учёт специфических потребностей различных народов, живших в автономии. В частности, на совещании было представлено 40 делегатов немцев, 30 евреев, 20 греков, 15 украинцев, 10 армян, 10 болгар, по 5 караимов, крымчаков, чехов, 2 поляков и 3 итальянца. Эстонцы были представлены пятью делегатами [14, л. 11]. Для обсуждения был вынесен широкий круг вопросов, такие как «Национальная политика Советской власти и очередные задачи нацстроительства Крымской республики», а также проблемы колхозного строительства, культурного развития различных народов. Эстонские делегаты, работавшие на совещании, попытались донести до власти специфические потребности жителей эстонских сёл. Прежде всего, вопрос земельной реформы, деятельность эстонских школ и место религии в жизни крестьян.

1929 год может быть определён как начало качественно нового этапа в национальной политике. Во-первых, прошёл судебный процесс над Вели Ибраимовым и из органов власти была уволена и репрессирована значительная группа национал-коммунистов. Например, народный комиссар просвещения Крымской АССР Усеин Балич. Успехи национальной политики во многом зависели от их энергичной деятельности. Во-вторых, сместились акценты в национальной политике с культуры и образования, развития языка на подготовку квалифицированных кадров (инженеры, рабочие) и деятельность административных учреждений (сельсоветы). В национальной политике стали преобладать административные, волюнтаристские методы. В частности, устанавливался процент советских служащих определённой национальности не обращая внимание на

уровень подготовки и квалификации. Одной из главных целей стала коренизация советского аппарата и промышленных предприятий. Для реализации этой задачи, при ЦИК Крымской АССР и районах были введены должности специальных уполномоченных, концентрировавших в своих руках решение данных административных вопросов. При Президиуме ЦИК Крымской АССР была создана Комиссия по делам национальных меньшинств. В 1930 году в состав Комиссии входили Кешишьянц, Шульц, Щепотьев [13, л. 6]. Проблема подготовки квалифицированных работников различных отраслей неоднократно была предметом обсуждения на совещаниях различных уровней. Председатель СНК Крымской АССР А. А. Самединов отмечал: «В подготовке кадров чрезвычайно большое значение надо придать подготовке квалифицированных рабочих и специалистов из нацмен» [22, с. 32]. Партийное совещание, проходившее в Симферополе в 1930 году, посвящённое вопросам национального строительства, в резолюции указало следующую задачу: «НКТруду, НКПросу, КСПС и Комиссии ЦИК по коренизации аппарата в двухмесячный срок разработать план подготовки новых специалистов из националов, и особенно из рабочих и крестьян педагогов, учителей, техников по с/х, землеустроителей, техников для промышленности, врачей, работников советского и кооперативного аппарата» [15, л. 20].

Одним из важнейших координирующих органов в осуществлении национальной политики была Комиссия по коренизации государственного, кооперативного, профсоюзного аппарата и общественных организаций Крыма, созданная в 1929 году. Эта комиссия действовала при ЦИК Крымской АССР. В сферу её полномочий входило наблюдение за деятельностью учреждений, обслуживавших специфические запросы народов полуострова. Комиссия должна была содействовать организации на больших предприятиях структур фабрично-заводского ученичества и их комплектования. Совместно с Народным комиссариатом труда, Комиссия изучала рынок труда, уровень безработицы среди национальных меньшинств и осуществляла через Биржу труда их переквалификацию, прежде всего для промышленного производства [17, с. 20]. 1929 год может быть определён как качественно новый этап в национальной политике ещё и в силу корректировки сферы применения различных языков. 25 июля 1929 года был издан декрет ЦИК и СНК Крымской АССР о переводе делопроизводства на национальные языки в районах наибольшего численного проживания представителей различных народов [12, л. 45]. При этом руководители крымской автономии апеллировали к опыту коренизации в УССР. Языковой вопрос затрагивался на проходившем 10–12 ноября 1929 года областном партийном совещании по вопросу национальной политики. Один из руководителей республики Пичахчи, анализируя недостатки практических мероприятий, говорил: «Мы наблюдаем, как проводилась коренизация на Украине. Казалось бы из наблюдений, из опыта проведения украинизации мы могли бы учесть их методы работы, их ошибки и положительные моменты. На основе опыта братских республик (Украина, Белоруссия, Татария) мы могли и должны были бы раньше поставить этот вопрос» [12, л. 45].

Национальная политика предполагала также деятельность работников определённой национальности. Коренизация давала установку на то, что представитель власти и крестьяне должны быть людьми одной национальности и буквально говорить на одном языке. Поэтому в составе местных органов власти определённый процент приходился на представителей тех национальностей, которые компактно проживали в регионе деятельности сельского совета. Этот принцип действовал в отношении эстонцев. В Резолюции Бюро ОК ВКП(б) по вопросу о коренизации советского, кооперативного и профсоюзного аппарата указывалось, что необходимо «решительное выдвижение во все звенья советского, кооперативного и профсоюзного аппарата как на руководящую, так и на техническую работу рабочих, батраков и крестьян бедняков и середняков нацмен, вплоть до замены лиц, не владеющих местным языком, в организациях непосредственно связанных с национальной массой» [17, с. 7].

К середине 1930-х годов политика коренизации в отношении эстонцев приняла формально-бюрократический характер. Началась кампания борьбы с буржуазным национализмом, и период активного национального творчества был завершён. Выступая на XVII областной партийной конференции председатель СНК Крымской АССР А. А. Самединов отмечал, что «недавно пленумом ЦК КП(б) Украины было вынесено решение по национальному вопросу. Наряду с тем, что для СССР в целом главной опасностью является великодержавный шовинизм, – на Украине на данной стадии главной опасностью является местный национализм. Нельзя предполагать, что это не имеет отношения к Крыму. Это имеет значительное отношение также и к Крыму» [23, с. 39].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что национальная политика в отношении эстонцев, с её комплексом мероприятий, не являлась самоцелью. Коренизация должна была укрепить политическую власть большевиков, подчинить национальное эстонское крестьянство и подавить «буржуазный национализм». Эта стратегическая цель зафиксирована в содержании многих партийных документов. Так, в «Итогах и задачах национальной работы» XII областной крымской конференции недвусмысленно указывалось, что «необходимо помнить, что национальный вопрос, являющийся весьма важным и серьёзным вопросом, без правильного разрешения которого совершенно невозможна победа пролетарской революции, всё же является подчинённым основному вопросу революции, – вопросу о диктатуре пролетариата» [21, с. 8].

Список использованных источников и литературы

1. Гамалов С. Национальные меньшинства Крыма // Крым. – 1927. – № 2. – С. 187–197.
Gamalov S. Nacional'nye men'shinstva Kryma // Krym. – 1927. – № 2. – S. 187–197.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. П-1, оп. 1, д. 206, л. 4.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. P-1, op. 1, d. 206, l. 4.
3. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 206, л. 6.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 206, l. 6.
4. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 206, л. 7об.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 206, l. 7ob.

5. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 287, л. 25.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 287, l. 25.
6. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 320, л. 122.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 320, l. 122.
7. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 435, л. 11.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 435, l. 11.
8. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 435, л. 28.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 435, l. 28.
9. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 435, л. 30.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 435, l. 30.
10. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 468, л. 80.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 468, l. 80.
11. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 468, л. 197.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 468, l. 197.
12. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 870, л. 45.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 870, l. 45.
13. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 1032, л. 6.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 1032, l. 6.
14. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 1032, л. 11.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 1032, l. 11.
15. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 1032, л. 20.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 1032, l. 20.
16. Известия Крымского ОК РКП(б). – 1922. – Октябрь. – № 14.
Izvestija Krymskogo OK RKP(b). – 1922. – Oktjabr'. – № 14.
17. Коренизация аппарата Крымской АССР. (К вопросу о вовлечении трудящихся татар в производство, государственные, кооперативные учреждения и общественные организации). Симферополь: Изд. орготдела КрымЦИКа, 1929. – 29 с.
Korenizacija apparata Krymskoj ASSR. (K voprosu o вовлечении trudjashhihsja tatar v proizvodstvo, gosudarstvennye, kooperativnye uchrezhdenija i obshhestvennye organizacii). Simferopol': Izd. orgotdela KrymCIKa, 1929. – 29 s.
18. Отчёт Крымского областного комитета РКП(б). К XI областной партконференции. Симферополь: Крымполиграфтрест, 1925. – 70 с.
Otchjot Krymskogo oblastnogo komiteta RKP(b). K XI oblastnoj partkonferencii. Simferopol': Krympoligrafrest, 1925. – 70 s.
19. Отчёт правительства Крымской АССР VI съезду Советов. Симферополь: Крымское государственное издательство, 1929. – 120 с.
Otchjot pravitel'stva Krymskoj ASSR VI s'ezdu Sovetov. Simferopol': Krymskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1929. – 120 s.
20. Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 году. Симферополь: Изд. КрымЦСУ, 1922. – 115 с.
Predvaritel'nye itogi perepisi v Krymu v 1921 godu. Simferopol': Izd. KrymCSU, 1922. – 115 s.
21. Резолюции XII крымской областной конференции. Симферополь, 1927.
Rezoljucii XII krymskoj oblastnoj konferencii. Simferopol', 1927.
22. Самединов А. А. Итоги работы промышленности за 1931 год и очередные задачи: доклад на XVI областной партийной конференции. Симферополь: Крымское государственное издательство, 1931.
Samedinov A. A. Itogi raboty promyshlennosti za 1931 god i ocherednye zadachi: doklad na XVI oblastnoj partijnoj konferencii. Simferopol': Krymskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1931.
23. Самединов А. А. Об итогах выполнения народнохозяйственного плана 1933 года и о контрольных цифрах на 1934 год: доклад на XVII областной партийной конференции. Симферополь: Крымпартиздат, 1934. – 40 с.

Samedinov A. A. Ob itogah vypolnenija narodnohozjajstvennogo plana 1933 goda i o kontrol'nyh cifrah na 1934 god: doklad na XVII oblastnoj partijnoj konferencii. Simferopol': Krympartizdat, 1934. – 40 s.

24. Хозяйственное, советское и партийное строительство в Крыму. Симферополь: Крымское государственное издательство, 1929. – 140 с.

Hozjajstvennoe, sovetskoe i partijnoe stroitel'stvo v Krymu. Simferopol': Krymskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1929. – 140 s.

25. Центральный государственный архив высших органов власти и государственного управления Украины (ЦГАВО), ф. 166, оп. 2, д. 618, л. 2.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv vysshih organov vlasti i gosudarstvennogo upravlenija Ukrainy (CGAVO), f. 166, op. 2, d. 618, l. 2.

Kondratjuk G. N. «National minorities of the West» in the Soviet model of regulation of ethnic relations in the Crimean ASSR (20-30s of the XX century).

The issues of national policy in the Crimean ASSR in the interwar period are considered. On the example of Estonians who lived in the Crimea, the features of the national policy towards Western national minorities are studied. The article describes the main forms of work among Estonians. On the one hand, the national policy of the Soviet state showed a wary attitude towards them, and on the other hand, attempts to win the sympathy of the Estonians and prevent emigrant moods. The indigenization policy towards Estonians, which was most actively pursued during the 1920s, became formal by the mid-1930s.

Keywords: Crimean ASSR, national policy, education, indigenization policy, estonians.